
ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ
ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ
НАВЬ

Елизавета Дворецкая

Здесь начинается Навь

«Автор»
2026

Дворецкая Е. А.

Здесь начинается Навь / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2026

Однажды княгиня Эльга получила весть, что Ута, ее сестра, жившая в их родных краях, бесследно исчезла. Поиски ничего не дали. Никто не узнал о том, как глухой осенней ночью за Утой явился посланец Нави – гость из прошлого, когда та еще молодой девушкой приняла на себя тяжелые последствия чужой вины и несла их всю жизнь. До тех пор пока нить судьбы не сделала петлю и не привела ее к настоящему искуплению.(Повесть завершает сюжетную линию Уты, начатую в первом романе цикла, «Невеста из чащи». Может читаться отдельно, но подводит итог многим предыдущим событиям.)

© Дворецкая Е. А., 2026
© Автор, 2026

Елизавета Дворецкая
Здесь начинается Навь

Елизавета Дворецкая
Здесь начинается Навь
Рассказ (цикл «Княгиня Ольга»-18)

Русская земля, Киев, май 965 года

В начале лета, когда снаряжают обоз на Царьград, в Киеве ожидают торговых людей с севера. Первыми, сразу после ледохода, прибыли смоляне с верховьев Днепра, несколько позже явились гости из Хольмгарда. Последними, когда уже все ранее прибывшие беспокоились, как бы не пропустить высокую воду на днепровских порогах, объявились наконец псковичи: им было добираться дольше всех. Князя Святослава в эту пору не было в Киеве, и гости отправились на поклон к его матери и соправительнице, Эльге – поднести дары от своего владыки, псковского князя Судимера, рассказать новости и получить харатион, иначе грамоту, где прописаны их имена, количество судов и товары. С тех пор как Святослав женился, Эльга жила не на старом княжьем дворе, помнившем еще ее дядю, князя Олега Вещего, а на Святой горе, неподалеку от старого полянского святилища. В просторной, увешанной коврами гриднице княгиня принимала их, сидя на троносе из белого мрамора, с узорами из красного и зеленого камня – она привезла его из Царьграда восемь лет назад, и в Киеве рассказывали, будто ей поднес его сам цесарь, предлагая выйти за него замуж и царствовать с ним. И всякий, кто видел княгиню, одетую в далматику синего шелка с зеленым и золотистым узором, с золотыми моравскими подвесками на очелье поверх голубого шелкового покрывала, не удивлялся тому, что даже самый важный из земных властителей счел ее прекраснейшей женщиной на белом свете. В сорок четыре года тонкие морщинки на белой, нежной коже лица придавали ее красоте оттенок глубины и мудрости, и по-прежнему прекрасны и глубоки были глаза серовато-зеленого, с голубоватым отливом цвета, за которые ее называли драгоценным смарагдом земли Русской.

Пока псковские гости говорили с княгиней, один из стоявших позади – худощавый человек средних лет, с приятным лицом и опрятной рыжеватой бородкой, – шепнул служанке несколько слов. Выслушав, та кивнула. Когда гости отправились восвояси, этот задержался на дворе перед гридницей. Вскоре та служанка пришла за ним и провела через двор в жилую избу княгиня. На крыльце, под навесом вдоль всей стены на длинной скамье сидели телохранители, рослые молодцы-варяги с косичками в светлых волосах; пришельца они окинули цепкими внимательными взглядами, будто обшаривая с ног до головы, но, поскольку его вела личная служанка госпожи, ни о чем не спросили.

В избе княгиня сидела на большом ларе из темного дерева, покрытом желтоватыми пластинами слоновой кости с тонким резным узором. Это ларь Олег Вещий привез из Царьграда полвека с лишним назад, и о его содержимом ходили басни. На стенах висели разноцветные ковры, на полках выстроились длинной чередой серебряные, позолоченные блюда, чаши, кувшины – словно целая дружина маленьких светил. Сбоку от княгини сидел на скамье, покрытой ковром, воевода Мистина Свенельдич – всем известный великан, многократно прославленный походами от Древлянской земли до Греческого царства, с первой сединой в русой бороде, в кафтане, за стоимость которого можно было купить иное село. Несколько служанок тихо расселись по углам.

Гость еще раз поклонился княгине, отдельно – воеводе, притом на Мистину бросил особо многозначительный взгляд.

– Ну, Желомля, – Мистина этот взгляд заметил и насторожился, – что скажешь хорошего?

Эльга хранила вид спокойной доброжелательности, но чутье говорило ей: хорошего гость не скажет, о том намекал его смущенный и поневоле виноватый вид.

– Прости, княгиня. – Желомля еще раз поклонился. – И ты, воевода. Весть у меня… нерадостная. Брат твой, Кетиль, Торлейвов сын, просил передать тебе…

Тут Эльга, при всем ее многими годами выработанном самообладании, слегка переменилась в лице и вонзила в Желомлю заострившийся взгляд. Ее двоюродный брат Кетиль обитал в их родовом гнезде, в селении Варягино на берегу реки Великой, и там же в последние лет семь жили многие из ее кровной родни. Плохая весть от Кетиля означала одно – с кем-то из ее семьи стряслась беда. Всплыло в памяти, как два года назад Святослав привез ей с севера весть о страшной гибели Улеба, племянника Эльги и сводного брата самого Святослава; смерть эта принесла в семью столько горя и тревог, что последствиям ее не видно было конца.

Эльга стиснула зубы, чтобы скрыть дрожь; там, на севере, осталась та, по которой смерть Улеба ударила сильнее, чем по кому-либо еще. Плохую весть этого рода княгиня отчасти ожидала уже давно…

– Что случилось? – прямо спросила Эльга, голосом ровным и повелительным.

– Сестра твоя Ута… – Желомля бросив взгляд в сторону, отводя глаза.

«Умерла», – мысленно закончила Эльга. И сердце рухнуло в ледяную пропасть, дрожь пронзила руки и ноги. Именно об Уте у нее в последние годы особенно болела душа, но помочь было нечем.

– Пропала…

Накатило облегчение – самого страшного слова Эльга не услышала. Но тут же вспыхнуло недоумение и тревога.

– Как – пропала?

Мистина, мгновенно поднявшись, подошел и встал возле княгини. Его лицо стало сосредоточенным. Ута была его женой, хотя уже семь лет они жили на разных концах света.

– Никто не знает, что с ней стало. Вечером, перед Осенними Дедами, все бабы по супредкам разошлись, она в избе одна оставалась. Она часто так сидела, ей одной лучше, сама так говорила. С посиделок челядинки пришли – ее нет. Уж за полночь – нет. Побежали по дворам искать, Кетилю довели, все Варягино, все Выбуты среди ночи на ноги подняли – нигде нет.

– Глянули, что еще пропало? – быстро вставил Мистина: так сделал бы он сам.

– Утром уже Кетиль велел проверить. Конь пропал ее, сам он подарил. Да конь на другой день к вечеру нашелся. Сам пришел, один. Бабы сказали, из пожитков пропало кое-что – гребешок, миска одна, еще что-то по мелочи. А так в чем была, в том и сгинула, только кожух надела.

Эльга и Мистина переглянулись с одной мыслью: по крайней мере, Ута сама собралась в свою неизвестную дорогу, не вихрь ее унес.

– Искали…

– Искали везде, госпожа. Даже в реке шарили.

– Но не могла же она…

Эльге представилось совершенно нелепое зрелище: ее сестра, женщина за сорок, нрава скорее робкого, чем боевитого, глухой осенней ночью седлает коня и отправляется через брод, через ледяную воду, сердито ревущую над известковыми плитами, куда-то во тьму… Зачем?

– Нет, нет, такого быть не может!

– Ой, йоотуна мааать… – протянул Мистина, осененный новой мыслью.

За всю жизнь он привык думать как воевода, ближайший к владыкам человек. Уте пятый десяток, но она по-прежнему родная племянница Олега Вещего, двоюродная сестра княгини киевской, княгини черниговской, состоящая в родстве с многими другими владыками… Его

жена, наконец! А у него врагов не меньше, чем у любого князя. Это исчезновение могло иметь какие угодно причины, менее всего касающиеся самой Уты.

– И больше ничего? – Эльга воззрилась на псковского гостя, едва смея поверить в такое нелепое несчастье.

Желомля развел руками: мол, все сказал, что знал.

Помолчали.

– Спасибо, что уведомил, – наконец промолвила Эльга, поняв, что больше ждать нечего. – Ступай.

– Да смотри… – добавил Мистина. – Чтоб никому.

Желомля перекрестился, обещая сдержаность: он ездил с княгиней в Царьград и был там крещен заодно с другими торговыми гостями, кому часто приходилось иметь дело с греками.

Еще раз поклонившись, Желомля ушел. Когда служанки закрыли за ним дверь, Эльга встала и повернулась к Мистине; ее широко раскрытые глаза выражали недоумение, граничащее с ужасом. Он шагнул к ней вплотную и обнял ее; он жаждал утешить не только ее, но и себя, убедиться, что она-то не исчезла. Ее-то, княгиню, никто никогда не оставит одну.

Эльга прижалась лицом к его груди, к жестким полоскам золотого позумента поверх узорного шелка. Ее пробирала неприятная дрожь потрясения, тянуло заплакать. Уже семь лет она жила в отрыве от сестры, и за это время виделась с ней только один раз. Тогда они понимали, что, скорее всего, в последний – едва ли у кого-то из них еще будет повод совершить долгое путешествие между Псковом и Киевом. И вот…

– О боги… – глухо пробормотала Эльга. – Пропала! Как это понимать? Это хуже, чем если бы она умерла!

– Полгода прошло, – напомнил Мистина. – Если бы ее похитили, уже пришли бы хоть какие вести. Выкуп там или что…

– Но не могла же она убегом выйти замуж! – Эльга оторвалась от груди Мистины и взглянула ему в лицо.

– Зачем было бы бегать, она не девчонка. Мы семь лет живем врозь, сказала бы, что хочет развода, разве я стал бы ее удерживать?

– Может, тот, с кем она убежала, слишком боится тебя.

– Она обратилась бы к тебе, и ты бы все уладила. Она слишком умна для такого вздора.

– О боги, о чем мы говорим! Я сама не своя и несу вздор! – Эльга застонала и закрыла лицо руками от стыда. – Какое замужество! Она после Улеба… была как мертвая, помнишь, рассказывали? Она любила его больше всего света белого, а месть…

– Ты же знаешь – отомстим за него не мы…

– Месть ее бы не утешила! Она только тем и держалась, что у нее на руках Улебов сын остался, да и то – с горя почти помешалась, внука за Улеба принимала, воображала, что он жив и все еще маленький… А как мальца к матери увезли, Ута совсем одна осталась. И вот… ушла… пожитки даже собрала. Как на тот свет!

Мистина снова привлек Эльгу к себе. Оба они были связаны с Утой самым тесным образом, оба по-своему любили ее и жалели. Оба знали, что виноваты перед ней, хотя худшие горести Уте принесла вовсе не многолетняя связь ее мужа с ее сестрой. Это ее не слишком задевало, пока дети были с ней. Особенно Улеб – первенец, чье появление на свет было следствием самых страшных событий ее юности.

Юность… От рождения Эльга и Ута были неразлучны. Закрыв глаза, княгиня русская вспоминала их общее детство над рекой Великой и его конец – когда Ута спасла ее от прозябания в чаще, в жилище волхва-оборотня, помогла бежать в Киев, а сама осталась среди последствий того злополучного бегства. И сестра, и муж были очень многим обязаны Уте и очень малым могли ей отплатить. Богатство, видное положение – то, что они предлагали ей, не имело в ее глазах никакой цены. Она ценила только любовь, а этого сокровища у них, по

маковку занятых державными делами мира и войны, хватало только друг на друга. Они жили в далекой от Пскова Русской земле, где их не могли догнать призраки былых прегрешений. А Ута вернулась в родные края и там снова приняла на себя удар из мрака – как это случалось с ней уже не раз.

– Она как будто моя тень… – прошептала Эльга, пытаясь выразить свои смутные мысли. – Мы родились вместе, она всю жизнь следовала за мной, держась на шаг позади. И тот, кто пытался поймать меня, хватал ее.

Мистина помолчал и хмыкнул:

– Ну да. Я – первый.

– Нет. Ты не первый. Далеко не первый. Первым был… даже не Дивислав. Он хотел жениться на мне, но я проскользнула через сеть, а попала ему в руки Ута. Но еще раньше… Тогда, когда вы убили Князя-Медведя, ты унес меня из леса, а она осталась в той избе. Там ее и ухватило… то, чему была должна достаться я. Она не могла никого бросить без помощи – ни меня, ни тогдашнюю Буру-бабу. Она осталась и приняла на себя мое проклятье, и всю жизнь оно за ней тащилось. Я не знаю, чем мы могли бы ей отплатить… Это не в силах человеческих, только бог ее и наградит.

– Но уж забрал-то ее не бог… – пробормотал Мистина, тоже вспоминая виденное в дремучей псковской чаще в тот судьбоносный и злополучный день без малого тридцать лет назад.

Эльга снова оттолкнулась от его груди взглянула ему в лицо.

– Тебе совсем ее не жаль? Она мать твоих детей! Пятерых!

– Почему – не жаль? – Мистина повел бровями, намекая на то, что с чувством жалости он вообще мало знаком. – Вы родились и росли вместе, вы обе – родные племянницы Олега Вещего и наследницы его удачи. Но как-то вышло, что вся она досталась тебе. И не только доля Уты – и твоих братьев, и прочих родичей. В веках запомнят одну тебя. А Ута… Хотелось бы верить, что она тоже что-то получит взамен утраченного. От кого-то посильнее нас с тобой.

– И… как по-твоему… – Чутье боролось в Эльге с привычкой не рассуждать, а действовать. – Стоит попытаться… ее поискать?

– Если Кетиль, зная местность, по теплым следам не нашел, да за полгода не пришло вестей… Сдается мне, это безнадежно.

Эльга помолчала. Умом она была согласна со своим главным советчиком, но совесть покалывала: не требует ли ее долг перед сестрой, а Мистины – перед матерью своих детей все же попытаться…

– И знаешь что? – Мистина, как часто бывало, понимал ее без слов. – Сдается мне, она сама рада… наконец избавиться от нас и от всего былого. Жизнь слишком много ее мучила без всякой вины – так может, наконец она ушла туда, где обретет покой?

– В рай? С гребешком и миской? – горько спросила Эльга, мельком оглядывая избу, полную драгоценной утвари.

– А что еще ей было надо – хоть когда-нибудь?

***

За полгода до того, поздняя осень 964 года, Псковская земля

Время шло к полуночи. Одна в избе, Ута сидела с прялкой, довольно далеко от единственной свечи на столе. Чтобы прясть, ей света не требовалось. Когда же они с Эльгой впервые взялись за прялку, лет тридцать пять назад? Или все сорок? Но, пока руки делали привычное дело, Ута почти не сводила глаз с желтоватой, чуть дрожащей звезды. Освещенное ею небольшое пространство напоминало бледную прорубь в море тьмы. Никто не любит эту пору – уже давно не лето, но снег еще не лег, самое мрачное, угрюмое, устрашающее время года. Тьма и

внешний холод ложатся на плечи кандалами железными, и чтобы одолеть тоску, люди что ни вечер собираются вместе: женщины прядут, мужики травят байки, старики сказывают сказки, а молодежь только и норовит бросить дело и затеять пляски, игры с объятиями и поцелуями. Молодым даже эти страшные вечера – только повод для поцелуев, благо темные углы теперь везде. И каждый помнит: и он, какой ни будь юный и здоровый, может не увидеть новой весны. А может, сама весна и унесет в Навь, нагонит лихорадок-злодеек на ослабленных долгой зимой и плохой пищей людей. Оттого и спешат жить, пока кровь горяча.

Но Ута с приходом предзимья ощутила некоторое облегчение. Седина инея по утрам на земле и на ветках, порывы холодного, влажного ветра, несущего высохшие листья-скелетики, вдохнули робкие проблески бодрости в ее грудь, обещали какую-то новую жизнь. Совсем не похожую на прежнюю – ибо прежняя ее жизнь была как сжатое, перепаханное поле. На ней уже ничего доброго вырасти не могло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.